

*Д. В. Майборода,
кандидат философских наук,
Минский государственный
лингвистический университет*

СМЫСЛ ЖИЗНИ И ЦЕННОСТЬ БЫТИЯ

Вопрос смысла жизни – центральный для философии и самосознания человека. Однако сегодня, в эпоху молниеносной деградации философской культуры, особенно в постсоветских культурах, это уже не столь очевидно. Важно ли все еще для современного человека ставить вопрос смысла жизни и по-прежнему ли для этого необходима философия?

Сегодня вопрос смысла жизни не может быть поставлен так, как это имело место ранее, прежде всего в силу трансформации понятий «смысл» и «жизнь» под влиянием позитивистского дискурса науки. «Смысл» предстает как синтетическая характеристика значений, выражающая способ мышления о некотором предмете, а «жизнь» – как обозначение совокупности определенного вида вещества (характеризующегося белковым составом и клеточным строением, активной реакцией на внешние стимулы, изменчивостью, саморегуляцией, ростом, размножением и пр.). В этой языковой игре вопрос о смысле жизни – это лишь терминологическая проблема в философии биологии.

Но и если бы эти понятия сохранили свои значения, то все же сама нужда в вопрошании о смысле жизни не очевидна сегодня. Вопрос смысла жизни – нерв самоопределения человека, и важен он тогда, когда ценно само это самоопределение. Если нормативные программы мышления и деятельности задаются строго (в случае, если их рефлексия сведена к их апологетике, а выбор – лишь между их безусловным принятием или отрицанием), то необходимость рассуждений о смысле жизни (как и философской рефлексии вообще) отпадает. С другой стороны, такая нужда устраняется и в случае, когда предполагается, что смысл жизни вовсе непостижим или его постижение ничего не меняет. Распространенность именно этих представлений в современности придает вопросу смысла жизни характер несовременного.

Размытость понятия философии привносит в проблему ее значения для раскрытия вопроса смысла жизни сегодня крайнюю

неоднозначность. Когда философами себя именуют скорее дилетанты, чем подготовленные интеллектуалы, философия предстает бесплодным досужим умствованием. Важной причиной этого послужила позитивистская идеология с тенденцией размежевания точных наук и философии. Стремление к мудрости более не свойственно науке, а претензия на истину – философии. Конечно, это представление – лишь иллюзия, порождаемая отказом позитивистских философов признавать себя таковыми. Как случилось и ранее, одно из направлений философии пытается исключить прочие, даже если это значит устранить и само имя философии. И, как и прежние безраздельно господствовавшие направления философии, позитивизм теряет настоящий облик философии, вырождаясь в идеологический догматизм. А при строгой регламентации мировоззренческих программ, как уже отмечалось, не только философское исследование, но и всякое вопрошание о смысле жизни теряет смысл.

Сведение философии лишь к науке, разумеется, также непродуктивно, что наилучшим образом видно как раз в случае вопроса о смысле жизни. Даже сама постановка этого вопроса выводит по ту сторону того, что может быть точно определено и эмпирически подтверждено. Вне связи с религией и искусством философия сводится к формальному прояснению базовых терминов науки. И, что важнее, вне этой связи вопрос смысла жизни теряет жизненность. Сегодня философы часто избегают действительной постановки вопроса о смысле жизни, подменяя рассуждениями о том, какие концепции на сей счет были декларированы ранее и как их можно понимать.

Серьезная философская постановка этого вопроса, предполагая, что его поиск – важнейшее дело человека, которое способно радикально изменить саму его жизнь и которое нельзя заменить простым воспроизведением чужих мыслей, подразумевает прежде всего изучение того, в каких лингвистических средствах и культурной ситуации этот вопрос ставится, поскольку они постоянно трансформируются. С учетом вышеназванной понятийной трансформации, связанной с господством позитивистского дискурса, вопрос смысла жизни сегодня должен формулироваться как вопрос о ценности бытия (в качестве подвопроса в нем может обсуждаться и ценность человеческой жизни, т.е. значимость биологических факторов бытия человека). Понятия «ценность» и «бытие» сегодня также трактуются

различно, потому важно указать, какие значения тут будут выступать определяющими. Ценность – значение предмета для некоторого другого (детерминанты) как цели, бытию же тут придается статус наиболее общей категории для обозначения всего действительно существующего, существовавшего и того, что будет существовать. Соответственно вопрос ценности бытия в целом может обсуждаться либо по отношению к детерминанте определенного его вида (важность целого для части), либо – к чему-то сверх бытия (в частности, Первоисточнику бытия). Второй подвопрос ставится в религии, причем в авраамических традициях (религиях Писания) опорой выступают свидетельства о признании благости всего сотворенного самим Богом (Быт. 1: 31), о потере этой благости вследствие грехопадения человека (Быт. 3: 17) и об обетовании возрождения ее в «новой земле» (Исаии 65: 17, 66: 22) и даже «новом небе» (2-е соборн. посл. Петра 3: 13, Апок. 21: 1). Первый подвопрос – важность целого для части, как, кстати, и проблема ценности одного вида бытия для другого, также может трактоваться через эти свидетельства: изначально все вместе и по отдельности было максимально благим для любого вида, затем произошло обесценивание, связанное, в том числе, с разладом видов бытия, в будущем же в общем согласии совершенное благо возродится.

Собственно вопрос смысла жизни – проблема ценности человеческого бытия по отношению к бытию в целом, Первоисточнику бытия или же к отдельным видам бытия. Он может раскрываться и как тема самооценности человеческого бытия, в особенности как вопрос важности отдельных проявлений бытия человека к его бытийному единству (или сущности). Как самооценный, правда, может рассматриваться всякий вид бытия, а потому подлинное раскрытие ценности человеческого бытия все же связано с утверждением некоторой внешней детерминанты (которая может также и обосновывать привилегированность самооценности человека). В том, что бытие человека одновременно интровертивно и экстравертивно (экстатично), также можно найти проявление того, что в нем полагаются как самооценность, так и ценность для чего-то другого. Вопрос ценности человека для другого человека (смысл жизни человека проявляется в Другом) фактически – отдельный случай темы самооценности человеческого бытия, а потому для его раскрытия все равно требуется некоторая внешняя детерминанта. Ценность индивидуального человеческого

бытия по отношению к другой индивидуальности определяется статусом последней в отношении общего бытия человеческого рода (в том числе и таких его свойств, как внутренняя диалогичность или социальность), но требует задания некоторой ценности человеческого рода по отношению к чему-то другому.

Такая ценность в отношении других видов или родов бытия обнаруживается различным образом, однако в подлинном смысле подразумевает отношение к детерминанте, выступающей более важной с точки зрения какой-то еще большей детерминанты. Человеческий род, конечно, важен для бытия конкретной мыши или мышинового рода в целом, но подлинная ценность его проявляется в отношении биосферы вообще, признаваемой как важная для всего бытия. Эта ценность человеческого бытия раскрывается как в позитивном, так и в негативном ключе, поскольку люди и приносят в мир некоторое совершенство (окультуривают природу, упорядочивают хаос), и губят природу (превращают естественный порядок в хаос и даже прямо ставят своей деятельностью само существование биосферы под вопрос). Это – предел всякой естественной философии в определении ценности человеческого бытия.

Несколько иначе ценность человеческого бытия проявляется в отношении Первоисточника бытия при признании некоторого особого его отношения к людям или конкретному человеку. В этом случае может иметь место некоторая коррекция формального порядка обнаружения ценности части для целого. Поскольку ценность человеческого бытия в отношении Источника бытия определяется тем, как человек реализует заданный бытийный потенциал, то в этой связи ценность конкретной индивидуальности может задаваться выше ценности других людей или даже некоторых обществ (как в случаях с Ноем или Лотом). Правда, такая индивидуальность все же значима для некоторого порождаемого или сохраняемого (обновляемого) ею общества (в том числе церкви) или рода (народа). Важнейшим определителем религиозной значимости выступает соответствие божественным повелениям, а в более широком контексте можно говорить, что ценность обретается человеком в диалоге с Богом (со значимыми элементами Откровения, исповеди и молитвы, а также благих свершений в ответ на божественный призыв). В христианстве при этом свидетельствуется о том, что ценность обретается лишь в любви

как подлинном диалоге (как между человеком и Богом, так и между людьми).

Рассмотренные линии определения ценности бытия не являются исчерпывающими, но сегодня именно они – наиболее важные реализуемые программы. Формальность проведенного их описания, безусловно, требует последующего углубленного толкования.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ